

Уильям БАЙЕР

Уильям БАЙЕР

ФОТОГРАФИЯ
ИЗ ЛЮЦЕРНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б12

Серия «Алиенист»

William Bayer
THE LUZERN PHOTOGRAPH

Перевод с английского *Н. Казанцевой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency.

Байер, Уильям.

Б12 Фотография из Люцерна : [роман] / Уильям Байер ; [перевод с английского Н. Казанцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Алиенист).

ISBN 978-5-17-093836-0

В 1882 году юная Лу Андреас-Саломе, писательница, будущий психоаналитик и роковая женщина, позирует вместе с Фридрихом Ницше и Паулем Рэ для необычной фотографии. Более тридцати лет спустя студент-искусствовед из Вены дарит фрау Лу свой рисунок-интерпретацию снимка, получившего скандальную известность. В наши дни фотографию повторяет профессиональная гопсжа-доминантрикс, известная под именем Шанталь Дефорж.

Когда тело Шанталь находят в багажнике украденной машины в аэропорту Окленда, штат Калифорния, в дело оказывается замешана Тесс Беренсон, блестящая актриса, переехавшая в лофт в стиле ар-деко, служивший до этого домом и рабочим местом госпожи.

Интерес Тесс к личности Шанталь усиливается: она находит подсказки к разгадке убийства и все больше связей между своей жизнью и жизнью госпожи.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

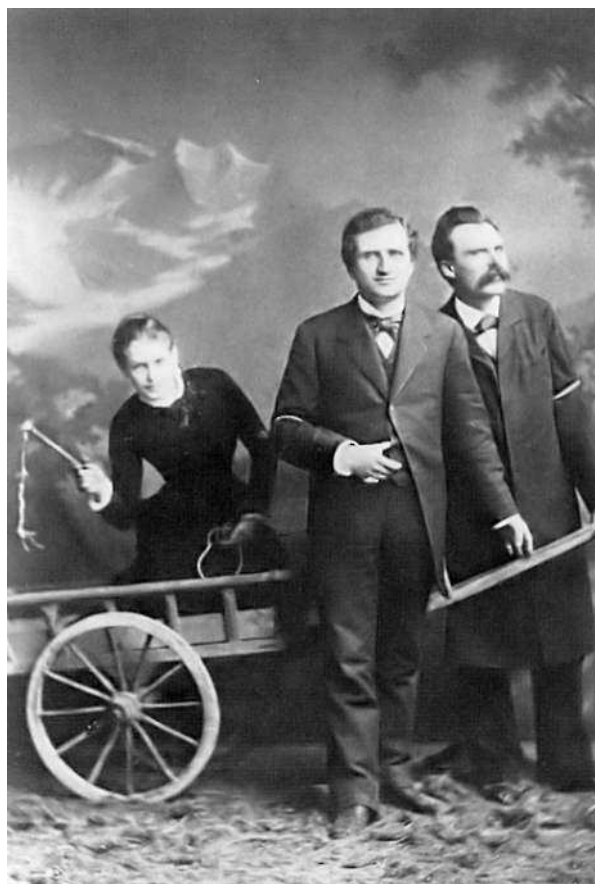
© William Bayer, 2015

© Перевод. Н. Казанцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Без элемента жестокости в корне каждого зрелища,
театр невозможен.*

Антонин Арто

Шестнадцатого мая тысяча восемьсот восемьдесят второго года в фотоателье, расположенное в швейцарском Люцерне на Цурхер-штрассе, дом пятьдесят, вошли посетители.

Двое мужчин средних лет и молоденькая девушка сообщили владельцу заведения, фотографу Жюлю Боннэ, о том, что заключили важное соглашение и желают его увековечить — сделать снимок в виде живой картины. Старший из мужчин, Фриц, отверг все предложенные хозяином варианты: он настаивал на совершенно определенных декорациях, и сам выбрал подходящий реквизит. В качестве фона для снимка использовали диораму горы Юнгфрау. Когда все было готово, трое посетителей замерли, и Боннэ, накрыв черным покрывалом себя и аппарат, щелкнул затвором.

Сделанной в тот день фотографии было суждено стать знаменитой — точнее скандально известной. О содержащихся в ней загадках споры ведутся уже более ста тридцати лет.

Глава 1

Вена, Австрия. Декабрь 1912 года

Воскресный день, сверкающее солнце, морозный воздух. Дамы и кавалеры укутаны в меха. По обе стороны Рингштрассе кафе с витринами, оформленными в стиле модерн. На пьедесталах застыли серые каменные фигуры знаменитых австрийских композиторов. Девушки под ручку неспешно прогуливаются взад-вперед, а на них глазеют солдаты в шинелях. Студент-скрипач виртуозно исполняет Паганини, чуть дальше по улице цыган наяривает Штрауса, и под ноги ему летят монеты. Слышны шум и гул, разговоры и смех, громкое цоканье копыт конных экипажей; мелькают огни проносящихся автомобилей.

Две женщины торопливо шагают по Франценринг: мимо парка Фольксгартен к придворному театру в императорской резиденции Хофбург. Они разного возраста, но идут под руку будто мать и дочь.

Старшей даме пятьдесят один год, она невысокая, закутанная в тяжелую, вышедшую из моды русскую шубу. Это Лу Андре́ас-Саломе́ — автор десяти книг и более чем полусотни статей, одна из самых известных интеллектуалок Европы. Впрочем, причиной известности служат не

Уильям Байер

только написанные ею книги, но и давний роман с философом Фридрихом Ницше и долгая любовная связь с поэтом Райнером Марией Рильке. Она же роковая женщина с известной фотографии, сделанной, когда ей было двадцать один год: Лу держит кнут, сидя в телеге, запряженной парой мужчин — Ницше и его лучшим — на тот момент — другом, Паулем Ре.

Фрау Лу недавно приехала в Вену изучать психоанализ у доктора Зигмунда Фрейда; потом она планирует вернуться домой — в Гёттинген — и открыть там собственную психоаналитическую практику.

Ее спутница, она младше примерно на тридцать лет, — бывшая актриса-инженю и начинающая писательница Эллен Дельп. У нее четкие нордические черты и грива темно-русых волос, изящная фигура укутана в стильные меха. Хотя две дамы не родня друг другу, Лу сильно привязана к Эллен и представляет ее друзьям как приемную дочь.

Внезапно Эллен наклоняется к Лу и шепчет ей на ухо:

— Вон он, тот мужчина!

— Какой мужчина?

— Я вам говорила. Который следит за нами и бродит вокруг отеля.

— Ах, этот! Так давай выясним, что ему надо.

— Не надо с ним заговаривать!

Лу возражает:

— За мной и раньше следили, и мне это не нравится.

Если у него ко мне дело, пусть подойдет и представится.

Преследователь, молодой человек едва за двадцать, понимает, что его заметили. Он на секунду застыл на месте, а затем пятится. Лу делает шаг в его сторону, но Эллен пытается ей помешать.

— Не надо!

— Вот еще!

Лу мягко высвобождает руку, затем решительно шагает вперед. Она уже имела дело с такими господами

Фотография из Люцерна

и знает: хотя бы след робости, — и слезка продолжится. Она не боится ни этого человека, ни кого-либо еще... она никогда никого не боялась.

Подойдя ближе, Лу замечает кое-что любопытное. Издалека их преследователь производит вполне респектабельное впечатление; но теперь очевидно, что одет он бедно: вытертый едва не до дыр костюм, разваливающиеся ботинки. Но сам он при этом чисто выбрит и держится прямо, усы чуть закручены вверх. Однако самое заметное — это глаза. Лу уже видела такой пылающий взгляд у одержимых ею мужчин.

Лу не может и подумать, что преследователь очарован юной и прелестной Эллен Дельп. Нет, она знает, пыльные чувства обращены к ней, Лу фон Саломе. Она не сомневается в этом — и оказывается права.

— Вы нас преследуете. — Она говорит ровно, без злобы и без сочувствия. — Мне это не по нраву. Будьте любезны, объяснитесь. А потом можете быть свободны.

Молодой человек бормочет, заикаясь:

— Я з-з-знаю, кто вы.

— Отлично. Я тоже знаю, кто я. Что вам угодно?

— Меня зовут...

— Неважно, как вас зовут. Зачем вы за нами ходите?

— Я просто...

— Да? — Не получив ответа, Лу добавляет: — Понимаю. Мое присутствие настолько ослепило вас, что вы утратили дар речи.

— Простите меня. Пожалуйста. Я сожалею.

— Разумеется, вы сожалеете. Как и положено навязчивому соглядатаю, которого поймали за руку.

— Даю слово...

— Да?

— Я не собираюсь причинять вам вред. Я просто хотел... поговорить. Если бы вы позволили мне представиться...

Уильям Байер

Лу резко его перебивает:

— Не здесь и не при таких обстоятельствах. Преследовать нас на улице — это недопустимо. Моя подруга говорит, что вы идете за нами от самой гостиницы. Если у вас есть, что мне сообщить, напишите надлежащее письмо и оставьте у портье. Если я решу, что встреча необходима, вам сообщат. Вы меня поняли?

— Да! Спасибо большое! Я так сожалею...

— Если вы и вправду сожалеете, принесите извинения в письменном виде. Будьте столь добры. И закончим на этом. — Она слегка улыбается. — А теперь уходите! Исчезните!

Юноша кивает и быстро уходит.

Лу поворачивается к Элен, которая нерешительно топчется на месте.

— Полагаю, больше мы его не увидим. — Она потирает руки в перчатках. — Бр-р, ну и мороз. Зайдем в кафе? Я бы выпила горячего кофе и можно взять теплый штрудель.

Глава 2

Меня всегда привлекали идеи декаданса и порока, и именно они лежат в основе моих работ. Вот почему, едва оказавшись на пороге этого лофта, я поняла, что хочу здесь жить. Тому есть множество причин: высокие потолки, вид из окон, освещение — все вокруг заполнено ярким солнцем, расположение на верхнем этаже девятиэтажного офисного здания — памятника архитектуры в стиле ар-деко — в самом центре Окленда. Но, разумеется, самое главное — некоторые вещи прежней хозяйки.

Управляющий зданием, долговязый, улыбчивый американец китайского происхождения по имени Кларенс Чен обводит помещение рукой.

— Это все оставила мисс Шанталь Дефорж, профессиональная «госпожа», доминатрикс. — Он произносит это с явным удовольствием и многозначительно вздергивает бровь.

Насколько я понимаю, Кларенс флиртует со мной. Прекрасно — учитывая, как отчаянно я хочу получить эту квартиру.

— Практически перед самым отъездом Шанталь устроила тотальную распродажу, так что большая часть ее... оборудования... ушла. Вы бы видели, что за персонажи здесь бродили! Госпожи со своими рабами — чтобы было кому тащить покупки. Ну, а то, что не продалось,

Уильям Байер

она все и оставила здесь. — Кларенс машет рукой в сторону гигантской решетчатой двери, закрывающей нишу в стене, превращая ее в клетку. Решетка перекошена и висит на одной петле.

Потом Кларенс показывает на противоположную стену и деревянный крест в форме буквы «X»:

— Она называла это крестом святого Андрея.

Я все еще рассматриваю клетку.

— А что с дверью?

— Возможно, один из «пленников» вырвался на свободу. — Кларенс явно гордится своим остроумием. — Если вы решите жить здесь и захотите избавиться от всего этого барахла, я позову сварщиков, чтобы срезали решетку. И штукатурка — заделать дырки. Ничего не менял, вдруг новый жилец захочет оставить все как есть. — Он ухмыляется с намеком. — Вот вам, похоже, все это нравится.

Кларенс прав — я заинтригована. Мысль о том, чтобы жить среди этих вещей, пугает и в то же время притягивает меня. Поэтому я говорю Кларенсу, что, если я все-таки надумаю снимать этот лофт, можно будет оставить все как есть.

Он показывает кухню-столовую («самое современное оборудование»), спальню («смотрите, какое потолочное окно — можно любоваться звездами») и огромный встроенный гардероб.

— Так говорите, вы актриса, мисс Беренсон?

— Актриса, да. Performance artist

— Мне нравятся люди искусства. Из вас хорошие жильцы, куда интереснее, чем из счетоводов. — Он хихикает. — Шанталь тоже была своего рода художником. По крайней мере, так она утверждала, хотя я не видел ни одной ее работы. — Кларенс переходит на деловой тон. — Аренда — тысяча семьсот пятьдесят долларов, включая коммунальные платежи. Полагаю, вас это устроит?

Я почти перестаю дышать.

— Думаю, да.

— Так что, по рукам?

— Да!

Из-за экономического кризиса офисный рынок в центре Окленда на спаде, и предприимчивые домовладельцы превратили пустующие кабинеты в лофты. А поскольку я совсем недавно получила стипендию Холлиса, то такая аренда теперь мне по карману.

Стипендия Холлиса для женщин сферы искусств (художниц, писательниц, хореографов, актрис), также известная как «награда для мини-гениев» — чтобы не перепутать с более известной и престижной стипендией Макартура, — это пятьдесят тысяч долларов в год, которые выплачивают пять лет. Единственное, что требуется от лауреата, — посвящать все свое время творчеству. Поскольку стипендию дают только женщинам, считается, что таким образом поощряют феминистические настроения. Меня это не смущает, так как все мои перформансы так или иначе про женщин.

Я все еще взволнована и благодарна этой награде — это явно событие, меняющее жизнь. За последние несколько лет мне чем только не приходилось заниматься: я торговала хот-догами, работала ночным сторожем — не брезговала никакой работой. Стипендия избавила меня от этого: теперь есть время на творчество и возможность арендовать место для работы.

Мне даже не приходит в голову торговаться. Кларенс предложил сказочные условия: в Сан-Франциско пентхаус такого уровня обошелся бы в три раза дороже.

По дороге к скрипучему лифту, Кларенс обратил мое внимание на надпись на арке между прихожей и гостиной: «Если не можешь дать счастья — дай мне свою боль! Лу Андреас-Саломе».